

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.346.32-053.6

**Идеи М. М. Ковалевского о воспитании
и обучении молодежи****Ю. Р. Вишневский¹, Н. Г. Чевтаева², Д. Ю. Нархов¹*

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

² Уральский институт управления, филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы, Российская Федерация, 620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 66

Для цитирования: Вишневский Ю. Р., Чевтаева Н. Г., Нархов Д. Ю. Идеи М. М. Ковалевского о воспитании и обучении молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 315–326. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.304>

Рассматривается творчество Ковалевского как предыстория отечественной социологии молодежи. Основной метод — историографический и ретроспективный анализ. Анализируются его понимание сущности воспитания (не подведение всех под один шаблон, а развитие индивидуальных особенностей каждого, взаимосвязь социализации и индивидуализации, сочетание долга перед обществом и свободы личного самоопределения) и основных агентов воспитания (семья и школа). Акцент социолога на эволюционность социального развития определял невозможность одномоментного создания нового строя, новой религии и морали. Семья — главный очаг воспитания молодежи. Ее история — история межпоколенческих отношений с перспективой: семья — «замыренная среда». Устойчивость семьи и культ семьи, предков. Обоснование перехода от традиционного воспитания (подчинение и повиновение молодежи) к «руководительству возрастающим поколением». Образование — целостный процесс (неотделимый от воспитания), усвоение начал общечеловеческой культуры. Ориентир социолога — доступность образования, снятие социальных преград на пути к образованию, постановка им проблем равенства (неравенства) стартовых позиций, шансов

* Статья подготовлена в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», реализованного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — РФФИ (грант № 18-011-00907/18), и основана на докладе на Всероссийской научной конференции с международным участием «XIII Ковалевские чтения “Молодежь XXI века: образ будущего”» (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.).

молодежи, связи образования и самообразования. Важнейшая функция университета — воспитание, воспитательный характер непосредственного общения преподавателей и студентов, его «обратное» воздействие на воспитателей, значимость межличностного общения в студенческой среде и студенческого самоуправления. Университет — очаг «руководящих течений общественной мысли». Важность воспитательного значения социологии, синтезирующей принципы человеческого общения. Учет чужого опыта обучения и воспитания (выход на уровень мировой науки и литературы и «неприятие слепого подражательства»). В заключение определяются перспективы дальнейшего анализа проблематики отдельных направлений воспитания молодежи в творчестве Ковалевского.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, социологическое наследие, социология молодежи, воспитание, семья, школа, университет, социализация.

Введение

Проблематика XIII Ковалевских чтений (2019 г.) «Молодежь XXI века: образ будущего» побудила авторов рассмотреть творчество М. М. Ковалевского в ракурсе анализа социальных проблем молодежи. В рамках заметного расширения и углубления интереса к его творчеству (тут трудно недооценить усилия возрожденного Социологического общества имени М. М. Ковалевского) этот аспект остается менее изученным. Конечно, классик русской социологии не мог писать по проблемам *социологии молодежи*, поскольку на рубеже XIX–XX вв. эта отрасль нашей науки еще не выделилась в *отдельную* сферу. *Молодежный этап жизненного цикла* был достаточно кратким и не был объектом самостоятельного исследования. Но у Ковалевского немало интересных идей и размышлений о *воспитании и обучении молодежи*, актуальных и сегодня. Возможно, они не столь целостны и концептуально едины, как его взгляды по общей социологии, истории социологии и социологии права, и привлекают меньше внимания современных исследователей. Тем важнее их обобщение — в рамках анализа *предыстории отечественной социологии молодежи* и перспектив ее дальнейшего развития. Нужно учитывать и масштабы его «публикационной активности», и многопрофильность его работ: историко-правовые и этнографические исследования, лекции по теории и истории социологии, очерки об общественных деятелях и социологах, рецензии и публицистические статьи в «Вестнике Европы» и других общественных журналах. Это предопределило характер работы авторов. Из разных статей и монографий Ковалевского (большая часть из них сегодня оцифрована и доступна для анализа) выбирались положения, рассматривавшие (в социологическом ракурсе) те или иные положения воспитания и обучения молодежи, прослеживалось (в историческом плане) становление и углубление позиции социолога (при повторях, а они в тот период были нередки, предпочтение отдавалось более поздним работам).

Цели и методы исследования

Цель настоящего исследования — обобщить социологическое наследие классика отечественной социологии по базовой проблеме современной социологии молодежи — проблеме образования, точнее, двух его неразрывных подсистем — воспитания и обучения. Метод исследования — историографический и ретроспективный анализ.

Результаты

Суть обращения Ковалевского к проблемам молодежи четко выразил А. Ф. Кони: он, «проводя идеи государственной мудрости, указывал молодежи, в чем справедливость, где ее пути и как следует идти по ним» [1, с. 85]. И это отражало общий *просветительский* характер его деятельности. Он был «прежде всего ученый, прежде всего профессор Божьей милостью» (П. А. Сорокин) [2, с. 107]. Его волновала ситуация в тогдашней российской системе образования. С точки зрения ученого, кроме элементов европейской культуры, школа должна *восполнять нравственное и физическое воспитание семьи*. Но реально современная ему «средняя школа» была «настолько косной, что ее настоящее мало уклонилось от прошлого, воспитательного значения она не имеет» [3, с. 55, 68].

Выделение двух основных *агентов воспитания* молодежи (*семья и школа*) в трактовке Ковалевского приобретает особый смысл с учетом его понимания *воспитания* — инновационного применительно к его времени и актуального для нашего времени. Примечательно уже определение им основной функции управленческого органа (Министерства просвещения) — *забота о воспитании подрастающих поколений* [4, с. 27] (правда, в контексте рассуждений социолога он говорил об этом как должном, критикуя тогдашнее министерство за забвение этой функции). Воспитание, по Ковалевскому, «имеет в виду не одностороннее подведение всех под один шаблон, а развитие *индивидуальных особенностей* каждого». С этим было связано и его понимание *социализации* (лишь недавно ставшее общепринятым в социологии молодежи). Ковалевский особо выделял в данном отношении идею французского юриста Л. Дюги: «Социализация и индивидуализация не исключают друг друга» [5].

У Ковалевского можно найти подходы и к *современному пониманию социализации*, не ограничиваемой лишь *молодежным* возрастом. Назвав семью *школой детей*, он тут же поправляется: «Следовало бы сказать просто “школой”, так как не только дети обязаны ей своим воспитанием, но и взрослые люди» [6, с. 141]. Социолог выходит на сложнейшую и до сих пор не имеющую аргументированного решения проблему — «так называемое воспитание», включает, по его мнению, «сообщение всех этих *нужных и ненужных* знаний» [3, с. 55]. В условиях «информационного общества» проблема «информационного шума», лишней информации, обостряется. Тем важнее становится формирование у нынешней молодежи *культуры выбора*.

Соотнося изменения в сознании и поведении молодежи, в ее морали с более глубокими социальными изменениями, Ковалевский отдавал предпочтение их *эволюционному характеру*. Ему была «совершенно чужда мысль об уничтожении разом чего бы то ни было и создании сразу нового строя, новой религии или новой морали» [6, с. 7]. Это расходилось с утвердившимися уже через год после смерти ученого настроениями радикального революционизма, идеями «формирования нового человека». И хотя в историческом плане именно эволюционный подход оказался более оптимальным, и сегодня в отношении к советскому прошлому, к теории и практике коммунистического воспитания нередко рецидивы нигилизма, а деидеологизация воспитательной работы зачастую означала отказ и *от идеологии, и от воспитания*.

Особая роль в воспитании молодежи, по Ковалевскому, принадлежит *семье*: главным очагом «воспитания подрастающих поколений», «несомненно, была

и остается семья» [3, с. 68]. В специальной работе [6] о происхождении и развитии семьи социолог выделяет «три фазы» этого процесса — «семья матриархальная, патриархальная и индивидуальная» [6, с. 15]. В рамках нашего анализа особенно важна отмеченная им «значительная перемена, происшедшая во взаимных отношениях обоих поколений, совокупность которых составляет семью» [6, с. 134]. В анализе исторического развития семьи ученым ставится вопрос о *пределах родительской власти и ее носителях* [7, с. 7]. История семьи предстает и как история *межпоколенческих отношений в семье*. Суть перемены: «Перестав быть угнетающей и жестокой, какой она была в прежние времена, семья является теперь лучшей школой для детей, так как обладает великим даром учить примером и этим развивать как моральное чувство, так и умственные способности» [6, с. 141]. Возможно, Ковалевский и идеализировал современную ему семью. Это особенно относится к его надежде, что «семья становится великой *школой альтруизма*..., который произведет революцию в мире» [6, с. 142]. Идея Ковалевского о *семье как «замиренной среде»*, где утверждается солидарность, общность интересов, взаимопонимание, и в наше время сохраняет значение и актуальность, определяя перспективы развития семьи как социального института и агента социализации.

В трактовке семьи как пространства межпоколенческого общения и взаимодействия Ковалевский не ограничивался лишь двумя поколениями *отцов и детей*. Понятно, что демографическая ситуация не позволяла ему предвидеть перспективы *трехпоколенной* (стала ныне реальностью) или *четырёхпоколенной* (утверждается преимущественно по женской линии) семьи. Но социолог обратил особое внимание на другой аспект проблемы: необходимость «не допускать прекращения *семейного культа*», *культа предков* [6, с. 81], в котором, как и в уважении старших, Ковалевский видел одну из причин *устойчивости патриархальной семьи*. Ученый был уверен, что они сохранятся и укрепятся в *индивидуальной* семье. В своих социально-этнографических исследованиях (особенно в изучении обычаев народов Кавказа) ученый показал многообразие конкретных форм культа предков и уважения старших. Но одновременно он отвергал традиционное воспитание в духе «требований от детей *подчинения и повиновения* с самого раннего их возраста» [6, с. 81]. Ему ближе воспитание как «руководительство *возрастающим поколением*» [8, с. 363]. Необычность используемой социологом характеристики детей и молодежи («возрастающее поколение») особенно подчеркивало их растущую *самостоятельность*.

Да и в более общем плане, по Ковалевскому, «за служением обществу» (что предполагает формирование у молодежи *чувства долга* перед обществом) не должно «теряться из виду не оцененное благо, каким, несомненно, является свобода личного самоопределения» [5]. Видя в *автономии личности* «не препятствие, а условие развития *общественной солидарности*», ученый негативно относился к любым формам государственности, ущемляющей ее. К сожалению, историческая практика в дальнейшем подтвердила его опасения. В теории воспитания утвердились идеи приоритета общественного над личным, долженствования, самопожертвования (вплоть до готовности во имя общественных идеалов пожертвовать самой жизнью). В итоге у нескольких поколений сложилась недооценка того, что самая важная ценность жизни — *жизнь*.

Рассматривая образование как *целостный* процесс (неотделимый от воспитания), социолог выделил еще один его аспект — *культурологический*: «Образование,

получаемое нами в юности, сводится ни к чему другому, как к усвоению начал общечеловеческой культуры» [9, с. 339]. «Распространение в массах просвещения» для него было основным условием общественного прогресса. В творчестве Ковалевского можно найти требование «снятия цепей, которыми прогресс просвещения и науки был прикован к грубому невежеству и предрассудкам» властных структур [10]. Подобный произвол ученый испытал лично. Слова тогдашнего «чиновника от просвещения» («лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающе» [1, с. 28]) четко отразили бюрократический принцип оценки преподавательских кадров: лояльность превыше профессионализма. Само содержание лояльности исторически менялось, но принцип оставался неизменным. Этому социолог противопоставлял «свободное выражение личных взглядов» «с точки зрения беспристрастной науки и просвещенного патриотизма» [10]. Наиболее близким к идеалу был его опыт преподавания в Стокгольмском университете: «Никто не интересуется нашим политическим направлением, ибо все направления имеют здесь одинаковое право на существование, кроме одного только... скучного» (цит. по: [11, с. 67]). В этом «кроме скучного...» выражалась глубокая озабоченность настоящего Педагога: значимо и умение заинтересовать студентов, побудить их не только к усвоению, но и к освоению содержания.

Ковалевский активно боролся за доступность образования, требуя, чтобы начальное обучение стало «всеобщим, бесплатным и обязательным» [12, с. 20]. Его радовали первые успехи земства в преодолении неграмотности молодежи. Так, в 1908 г. в Московской губернии, по его оценке, почти четыре пятых молодых людей преодолели неграмотность [10]. При всей любви Ковалевского к сравнительному методу неверно сравнивать, особенно данные 100-летней давности, с сегодняшним днем. Но акцент на ведущую роль местного самоуправления в образовательных реформах актуален, тем более когда эта роль в современных условиях недооценивается.

Столь же активно социолог выступал против любых социальных преград на пути к образованию, включая высшее [12, с. 21] (см. также: [13; 14]). «Государство... должно обеспечить всем своим совершеннолетним гражданам возможность вступить в борьбу за существование в равных условиях т. е. запастись одинаковыми знаниями, доходящими до такого уровня, при котором человек путем самообразования может самостоятельно приобретать необходимые сведения» [15, с. 197]. Проблемы равенства (или неравенства) стартовых позиций, шансов молодежи, не говоря уже о связи образования и самообразования стали актуальными в социологии намного позднее.

Ковалевский и для университета считал воспитательную функцию важнейшей — «общее образование, которое давало бы всестороннее, а не одно лишь специальное развитие» [1, с. 102]. Среди важнейших достоинств университетской системы России после реформы 1863 г. он подчеркивал: «В эту эпоху университеты были учреждениями не только учебными, но и нравственно-воспитательными» [10]. И вновь отметим контекст этой оценки — как критика, что уже в 1880-е годы эта функция была утрачена («были...»).

В свете субъект-субъектного подхода, утвердившегося в современной социологии молодежи, особую значимость приобретает акцент Ковалевского на вос-

питательный характер непосредственного общения преподавателей и студентов («тесные отношения» «между профессорами и студентами») [10]. Распространенная практика посещения студентами педагогов, их советы («специальные указания» и «общее руководство») помогало студентам адаптироваться в университете, активнее включиться в учебную и научную деятельность. Такое общение «привлекало внимание» профессоров «к материальным и духовным нуждам их учеников». Профессора выступали «духовным наставником молодых людей, порученных его заботам». Более того, «установление своего рода семейных отношений между старшим и младшим поколениями» оказало «могучее влияние на подъем морального уровня тех, кто призван быть не только учителем, но и воспитателем будущих граждан» [10]. Подобное *обратное* воспитательное воздействие на воспитателей далеко не всегда учитывается и в современных социально-педагогических исследованиях, в том числе по педагогике сотрудничества.

Не менее значимое воспитательное воздействие на студентов, по оценке социолога, оказывало *межличностное общение в студенческой среде*. «Тесное товарищеское общение, возможности кружковой жизни», студенческое самоуправление и свободное выражение студентами своего мнения — без всего этого, — считал он, — университет будет сведен к роли специальной школы, роли, при которой он не может служить воспитанию и всестороннему развитию подрастающих поколений» [3, с. 287–288]. Уже в середине 1880-х годов автономия университетов была серьезно урезана, что негативно сказалось и на их воспитательной роли. Но учет отмеченных идей Ковалевского крайне важен для большей эффективности современной реформы высшего образования, которую неправомерно сводить лишь к запросам «цифровой экономики», «общества знания».

Реализацию воспитательной функции Ковалевский не ограничивал границами самого университета. В его воспоминаниях университеты представляли «очаг, из которого шли руководящие течения общественной мысли» [3, с. 207]. Современные научно-образовательные комплексы, федеральные, исследовательские и опорные университеты — шаг к возрождению и активизации подобных очагов, особенно на региональном уровне.

«Огромное превосходство университета» виделось Ковалевскому в том, «что он дает возможность специалисту не потерять из виду философскую сторону научного познания вообще». Конкретное проявление этого преимущества — посещение «множеством студентов, специальность которых... математика, медицина, филология или юриспруденция» лекций «по биологии, физиологии и по политико-экономическим наукам» [10]. Он с сожалением воспринимал усиливавшуюся позднее «профессиональную разобщенность и взаимное непонимание», когда «естественники не знакомы с гуманитарными науками, словесники и юристы с естествознанием» [1, с. 99]. Казалось бы, в конце 1990-х — начале 2000-х годов надежды Ковалевского начали сбываться, но в условиях «болонизации» высшего образования в России проблема вновь обострилась. Это в значительной мере относится к социологии, преподавание которой (особенно в технических вузах) сегодня резко сокращается.

Интересна *аргументация ученого о важности социологии как университетской дисциплины*. Он понимает социологию как «учение о природе и развитии общественности», «о природе общежития» [7, с. 8], подчеркивая ее обобщающий

характер. Он видит в ней научную дисциплину, которая «синтезирует конкретное знание, сообщаемое всеми и каждой из общественных наук» [4, с. 25]. Не менее ценно для Ковалевского «громадное воспитательное значение» социологии, синтезирующей «принципы человеческого общежития» [4, с. 29]. Ведь «каждое общество, — отмечает он, — находится постоянно в состоянии самотворчества» [8, с. 342]. Не будем «осовременивать» позицию Ковалевского, но трудно не заметить ее близость к современным концепциям «социологии жизни», идеям о молодежи как «драйвере» социальных процессов.

«Болонизация» показала также актуальность идеи Ковалевского об отношении к чужому опыту. «Университетские прения», по его оценке, часто представляли борьбу «местного патриотизма и научного космополитизма» [10]. У самого социолога это отношение было глубоко диалектичным. Он выделял роль немецких университетов (Лейпцигский, Геттингенский) как «очагов не одной немецкой, но мировой науки и литературы», подчеркивал их «космополитический и чуждый всяких узких местных влияний характер» [16]. И стремление современных российских университетов стать частью мирового образовательного пространства в полной мере соответствует этой ориентации мыслителя. Но одновременно он, полемизируя с Г. Тардом, выступал против слепого подражательства и за «приспособление с видоизменением»: «Изменения часто вызываются иностранными образцами, но они только в том случае пускают в стране корни, когда не противоречат прямо всему тому наследию прошлого, которое слагается из верований, нравов, начал и учреждений известного народа» (цит. по: [1, с. 140–141]). И тут возникает вопрос: надо ли было столь резко и бесповоротно отказываться от наследия советской высшей (особенно технической) школы?

Ковалевский ставил проблему и шире, глубже: «Каково наше место в истории? Призваны ли мы идти только в хвосте у Европы, только довольствоваться восприятием выработанной ею культуры или мы сами призваны занять определенное место в мировой истории, двинуть далее человечество и в каком именно направлении?» [17]. И советская, и почти 30-летняя постсоветская истории показывают, как важно (и как трудно!) дается поиск оптимального ответа на этот вопрос.

Отметим и еще один важный аспект трактовки Ковалевским *воспитательного воздействия университета на студенческую молодежь*: оно не понималось им как нечто автоматическое.

С одной стороны, многим преподавателям было трудно избавиться «от семейных и сословных предрассудков». Сказывалось и влияние на какую-то часть профессуры (нередко весьма значительную) «преследования всякого свободного выражения личных взглядов, если они не соответствовали взглядам правящей бюрократии», хотя это, как замечает социолог, «дискредитировало профессоров в глазах их учеников» [10]. Немало было и преподавателей, видевших в студентах только «слушателей» (к сожалению, и сегодня такой предметоцентризм достаточно распространен).

С другой стороны, недостаточная эффективность воспитательного влияния на студентов связывалась Ковалевским и со студентами. Прежде всего он отмечает пробел между общеобразовательной школой и университетом. Этот пробел проявлялся уже на уровне знаний. Вспоминая о начале обучения в университете, Ковалевский писал, что далеко не сразу он «стал понимать, что есть наука, более за-

бирающая вас, чем та, какую питали меня в гимназии» [3, с. 268]. Но еще бóльший пробел был присущ нравственно-воспитательной сфере. Выпускникам общеобразовательных школ («высших школ, посвященных общему образованию»), по его оценке, были присущи «некоординированные представления» и о нравственном долге, и о хозяйственном расчете, и о праве, и о религии. Это «хаотическое состояние... основных понятий» негативно сказывалось на их практической деятельности и на учебе в университете [4, с. 29]. К этому ученый на своем личном опыте (возможно, понимая воспитательное значение и негативного опыта) добавляет и «пустоту провинциальной среды и... “золотой молодежи”, среди которой он вращался» [3, с. 70]. Следует учесть и еще один (позитивный!) момент, отмеченный в его воспоминаниях: у разных студентов разный акцент в мотивациях — кто-то более озабочен «общим саморазвитием, чем изучением специальности», кто-то ищет «не столько науки, сколько выработки миросозерцания» [3, с. 70].

В XX в. высшее образование в России (СССР) было преимущественно профессиональным. Ныне в условиях растущей депрофессионализации потребности «общего саморазвития», «выработки миросозерцания» могут стать ведущими, тем более что их реализация — основа формирования гибкости, адаптивности — важнейших качеств личности «общества знания».

Заключение

Мы остановились в основном на наиболее общих аспектах проблемы воспитания и обучения молодежи. Дальнейший анализ позволит конкретно рассмотреть отдельные направления воспитания. Творчество Ковалевского — кладезь оригинальных идей, актуальных и для современной социологии молодежи.

Это и акцент в анализе правовой культуры не только на знание законов («люди, сведущие в законах»), но и на ее эмоциональную составляющую («проникнутые чувством законности» [18, с. 15]). И понимание «значимости исторического прошлого», «общности пережитых невзгод и успехов», «единства исторических судеб», их «связующей, созидающей» единство народа роли [19, с. 10]. И одновременно неприятие (вслед за П. Я. Чаадаевым) «блаженного патриотизма, этого патриотизма лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями» [17]. Представляется, что и сегодня эффективность патриотического воспитания молодежи была бы выше, если бы истинный гражданский патриотизм четче разграничивался бы от «блаженного».

Это и характеристика им «обычаев и традиций» как специфической «сферы усвоения молодыми поколениями достижений старшего поколения». И одновременно трезвый взгляд на урбанизацию (масштабы которой сегодня ему невозможно было бы представить в самых смелых прогнозах) как на фактор «упадка традиции», ведь, перемещаясь в города, «молодые поколения освобождаются от воздействия стариков, этих живых выразителей традиции, и переносятся в новую для них среду», где «все является подвижным, и достояния прошлого, наследия предков как таковые пользуются слабым признанием». Сказывается и «меньший контроль общества за индивидом» [7, с. 145].

А скольких упреков в «половой распущенности» современной молодежи (далеко не всегда оправданных, особенно в обобщенной форме, даже в период «сек-

суальной революции») можно было бы избежать, обратившись к социально-этнографическим исследованиям социолога. В частности, отмечая сохранение «следов первобытного порядка общежития», он в качестве примера ссылается на «уцелевшее свободное общение молодых мужчин и девушек до вступления последних в брак» — «посиделки» в северных губерниях, «вечерницы» в Малороссии. «Та же свобода половых сношений в период предшествующий брачной жизни» рассматривается им на примере обычаев в Германии и Ирландии [20, с. 12].

Основной ориентир социологии М. М. Ковалевского — «изучить прошедшее и настоящее для того, чтобы предвидеть будущее». Он был оптимистом и верил: будущее «должно стать в значительной степени выше» настоящего «и притом во всех отношениях» [6, с. 19]. Но оптимизм у него сочетался с *реализмом*. Это проявилось в корректировке им теории прогресса О. Конта: «Нельзя утверждать, что развитие идет в смысле излечения общественных недугов и увеличения общественного благополучия. Гораздо лучше поэтому вместо термина прогресс употреблять более неопределенный — развитие. Этот термин не устраняет и сохранения общественных язв, и временного их приумножения» [7, с. 24]. Ученый признавал наличие в истории эпох, «когда путеводная нить теряется из глаз, когда прошедшее перестает быть залогом для настоящего и будущего, когда невольно утрачивается вера в прогресс, в неизбежность поступательного движения человечества». С «окружающей... со всех сторон рутинной» связывалось им трезвое понимание: «Высказываемые автором пожелания, как бы скромны они ни были, осуществляются не раньше, как на расстоянии десятков лет» [21]. Жизнь оказалась сложнее самых серьезных прогнозов. Уже после смерти Ковалевского в истории России эпохи «веры в светлое будущее» и «утраты веры в прогресс» сменялись неоднократно. Но и сегодня сохраняет (особенно для нас, социологов) значение позиция великого российского ученого: «Прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас» [17]. Глубокое изучение проблем современной молодежи (в том числе и с учетом идей Ковалевского) — предпосылка ее активного участия в созидании будущего.

Литература

1. Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг.: Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, 1917. 264 с.
2. Сорокин П. А. Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя // Социологические исследования. 1989. № 3. С. 107–111.
3. Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
4. Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 3. С. 25–30.
5. Ковалевский М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Литература и жизнь. Произведения М. М. Ковалевского. URL: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_vzaimootnoshenie_svobody.html (дата обращения: 04.11.2019).
6. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. в фр. С. П. Моравского; под ред., с предисл. и примеч. проф. М. О. Косвена. М.: Соцэкгиз, 1939. 185 с.
7. Ковалевский М. М. Сочинения в двух томах. СПб.: Алетей, 1997. Т. 1. Социология. 288 с.
8. Ковалевский М. М. Современные французские социологи // Вестник Европы. 1913. Кн. 7. С. 339–369.
9. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д.: К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных / пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельд. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1900. 800 с.

10. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России // История России до 1917 года: материалы для активного изучения отечественной истории: лекции, фото, видео, аудио, карты, библиотека, архивы. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/nauka/kovalevskij-m.m.-ocherki-po-istorii-politicheskikh-uchrezhdenij-rossii.html> (дата обращения 04.11.2019).
11. Кузнецова И. Д. Профессор Ковалевский в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 3. С. 61–68.
12. Ковалевский М. М. Политическая программа нового союза народного благоденствия: очерк. СПб.: тип. АО «Слово», 1906. 23 с.
13. Ковалевский М. М. Высшее женское образование // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 416–425.
14. Ковалевский М. М. Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7–8. С. 10–15.
15. Ковалевский М. М. Общее учение о государстве. СПб.: тип. И. Трофимова, 1909. 214 с.
16. Ковалевский М. М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Литература и жизнь. Произведения М. М. Ковалевского. URL: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_borba_nemeckogo_vliania.html (дата обращения: 01.11.2019).
17. Ковалевский М. М. Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х годов // Литература и жизнь. Произведения М. М. Ковалевского. URL: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_filosofskoe_ponimanie.html (дата обращения: 01.11.2019).
18. Ковалевский М. М. Действительная природа Государственной Думы: доклад, прочитанный в заседании Харьковского юридического общества 11 сентября 1905 г. Харьков, 1905. 29 с.
19. Ковалевский М. М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб.: тип. Альтшулера, 1905. 47 с.
20. Ковалевский М. М. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений // Юридический вестник. 1878. № 1. С. 3–24.
21. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. Предисловие к I тому // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=608164&p=1> (дата обращения: 01.11.2019).

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2020 г.;
рекомендована в печать 10 июня 2020 г.

Контактная информация:

Вишневецкий Юрий Рудольфович — д-р филос. наук, проф.; soc_stu@e1.ru
Чевтаева Наталья Геннадьевна — д-р соц. наук, проф.; natalya.chevtaeva@ui.ranepa.ru
Нархов Дмитрий Юрьевич — канд. соц. наук, доц.; d_narkhov@mail.ru

Maksim Kovalevsky's ideas on the education and upbringing of youth*

Yu. R. Vishnevsky¹, N. G. Chevtaeva², D. Yu. Narkhov¹

¹ Ural Federal University,

19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

² Ural Institute of Management, branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration,
66, ul. 8 Marta, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

For citation: Vishnevsky Yu. R., Chevtaeva N. G., Narkhov D. Yu. Maksim Kovalevsky's ideas on the education and upbringing of youth. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, issue 3, pp. 315–326. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.304> (In Russian)

* This article was prepared as part of the project “Youth of the Industrial Regions of Russia: An Image of the Social Future as a Factor in the Development of Innovation Potential”, implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research — RFBR (grant no. 18-011-00907/18) and based on a report at the All-Russian Scientific Conference with International Participation XIII Kovalevsky Readings “Youth of the XXI Century: An Image of the Future” (St. Petersburg, November 14–16, 2019).

In the article, Maksim Kovalevsky's work is considered as a prehistory of Russian youth sociology. His understanding of the essence of upbringing is analyzed (not grouping everyone under one pattern, but the development of individual characteristics; the relationship of socialization and individualization, a combination of duty to society and freedom of personal self-determination) and the main agents of upbringing (family and school). The sociologist's emphasis on the evolutionary nature of social development determined the impossibility of simultaneously creating a new system, a new religion, and morality. The family is the main center for the upbringing of youth. Its history is the history of intergenerational relations with the following perspective: the family as a "pacified environment". It serves as the rationale for the transition from traditional education (submission and obedience of youth) to "leadership of the ascending generation". Education is a holistic process (inseparable from accomplishment), the assimilation of the beginnings of a universal human culture. The sociologist's guideline is access to education, removing social barriers to education. He determined the problems of equality (inequality) in regard to origins, the chances of youth, and the connection between education and self-education. The most important function of the university is education, the upbringing nature of direct communication between teachers and students, its "reverse" effect on educators, the significance of interpersonal communication in the student community, and student self-government. The university is a hotbed of "guiding currents of social thought". The article presents the importance of the educational value of sociology, synthesizing the principles of human society. The authors emphasize that taking into account the experience of others in teaching and upbringing (reaching the level of world science and literature as well as the "rejection of blind imitation") plays an important role. In conclusion, the prospects for further analysis of the problems of individual areas of youth education in the work of Kovalevsky are determined.

Keywords: Maksim Kovalevsky, sociological heritage, sociology of youth, education, family, school, university, socialization.

References

1. Kovalevsky M. M. *Scientist, statesman and public figure and citizen*, Petrograd, Artistic Institution of the Partnership A. F. Marks Publ., 1917. (In Russian)
2. Sorokin P. A. The spiritual image of M. M. Kovalevsky as a thinker. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1989, no. 3, pp. 107–111. (In Russian)
3. Kovalevsky M. M. *My life: Memories*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 784 p. (In Russian)
4. Kovalevsky M. M. Sociology in the West and in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2001, vol. IV, no. 3, pp. 25–30. (In Russian)
5. Kovalevsky M. M. The relationship of freedom and social solidarity. *Literatura i zhizn'. Proizvedeniia M. M. Kovalevskogo*. Available at: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_vzaimootnoshenie_svobody.html (accessed: 04.11.2019). (In Russian)
6. Kovalevsky M. M. *Essay on the origin and development of the family and property*, translation from French by S. P. Moravsky; ed., with a foreword and notes by prof. M. O. Cosven. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. (In Russian)
7. Kovalevsky M. M. *Works in two volumes*. Vol. 1. Sociology. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1997. (In Russian)
8. Kovalevsky M. M. Modern French Sociologists. *Vestnik Evropy*, 1913, book 7, pp. 339–369. (In Russian)
9. Kovalevsky M. M. (Introductory article). *On the spirit of laws, or On the relationship in which laws should be to the structure of each government, to mores, climate, religion, trade, etc., To which the author added new studies on Roman laws regarding inheritance, on French laws and on the laws of the feudal*. Translation from French, translation Ed. A. G. Gornfeld, St. Petersburg, L. F. Pantelev Publ., 1900. (In Russian)
10. Kovalevsky M. M. Essays on the history of political institutions of Russia. *Istoriia Rossii do 1917 goda: materialy dlia aktivnogo izucheniia otechestvennoi istorii: leksii, foto, video, audio, karty, biblioteka, arkhiv*. Available at: <http://russiahistory.ru/download/library/nauka/kovalevskij-m.m.-ocherki-po-istorii-politicheskikh-uchrezhdenij-rossii.html> (accessed: 04.11.2019). (In Russian)

11. Kuznetsova I. D. Professor Kovalevsky at Moscow University. *Bulletin of Moscow University, Series 7. Philosophy*, 2005, no. 3, pp. 61–68. (In Russian)
12. Kovalevsky M. M. *The political program of the new union of national prosperity: Essay*. St. Petersburg, Slovo JSC Publ., 1906. (In Russian)
13. Kovalevsky M. M. Higher female education. *Vestnik Evropy*, 1911, no. 6, pp. 416–425. (In Russian)
14. Kovalevsky M. M. Is it possible to block access to universities for women? *Soiuz zhenshchin*, 1908, no. 7–8, pp. 10–15. (In Russian)
15. Kovalevsky M. M. *General doctrine of the state*, St. Petersburg, printing house of I. Trofimov Publ., 1909. (In Russian)
16. Kovalevsky M. M. The struggle of German influence with the French at the end of the XVIII and in the first half of the XIX century. *Literatura i zhizn'. Proizvedeniia M. M. Kovalevskogo*. Available at: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_borba_nemeckogo_vliania.html (accessed: 01.11.2019). (In Russian)
17. Kovalevsky M. M. Philosophical understanding of the fate of the Russian past by thinkers and writers of the 30s and 40s. *Literatura i zhizn'. Proizvedeniia M. M. Kovalevskogo*. Available at: http://dugward.ru/library/kovalevskiy/kovalevskiy_filosofskoe_ponimanie.html (accessed: 01.11.2019). (In Russian)
18. Kovalevsky M. M. *The real nature of the State Duma: Report read at a meeting of the Kharkov Law Society on September 11, 1905*. Kharkov, 1905. (In Russian)
19. Kovalevsky M. M. *The general course of development of political thought in the second half of the 19th century*. St. Petersburg, Altshuler Printing House, 1905. (In Russian)
20. Kovalevsky M. M. About methodological techniques in the study of the early period in the history of institutions. *Iuridicheskii vestnik*, 1878, no. 1, pp. 3–24. (In Russian)
21. Kovalevsky M. M. *Law and custom in the Caucasus*. Vol. I. Preface to the I volume. *LitMir*. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=608164&p=1> (accessed: 01.11.2019). (In Russian)

Received: April 8, 2020

Accepted: June 10, 2020

Authors' information:

Yuri R. Vishnevsky — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; soc_stu@e1.ru

Natalya G. Chevtaeva — Dr. Sci. in Sociology, Professor; natalya.chevtaeva@ui.ranepa.ru

Dmitry Yu. Narkhov — PhD in Sociology, Associate Professor; d_narkhov@mail.ru